

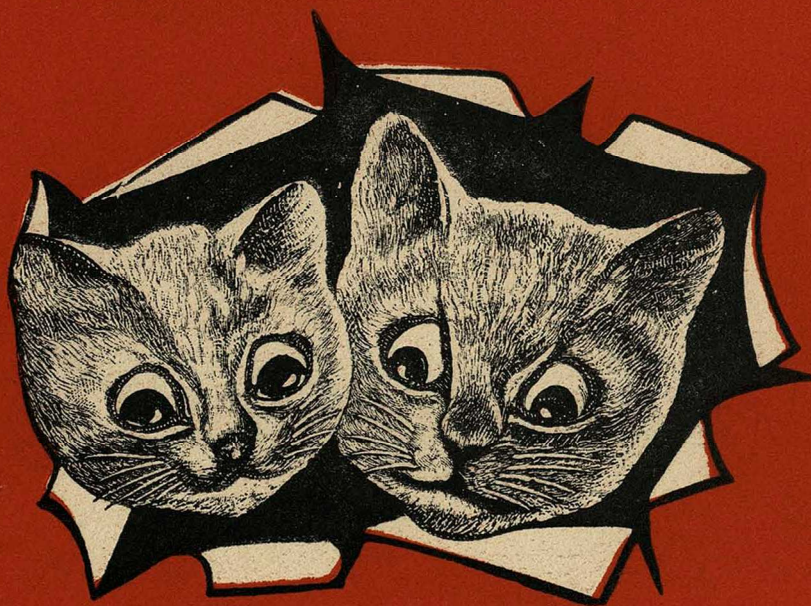
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Пятый изданіе.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НА ВСТРѢЧУ (повѣсть).

ОЖИДАНИЕ.

СЛѢПАЯ.

* * * (стихотвореніе).

ЧУДЕСНЫЙ ПОЯСЪ (сказка).

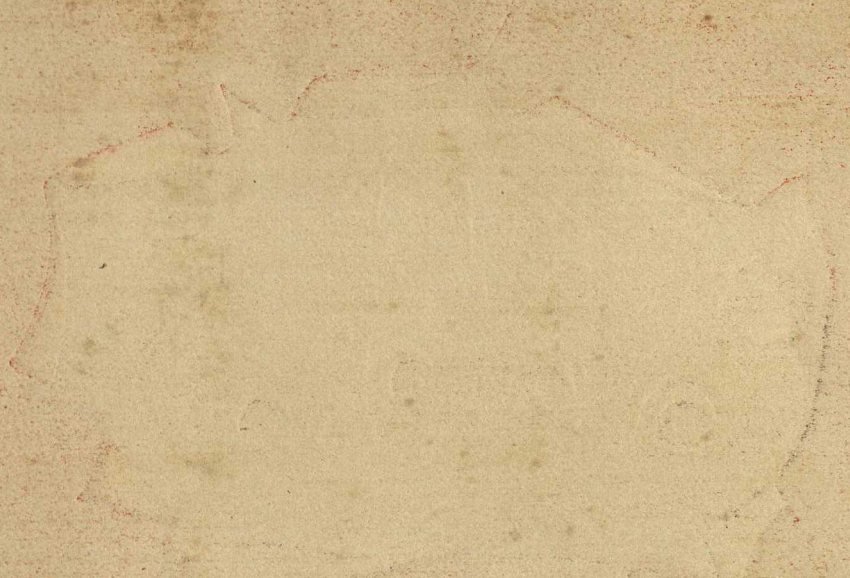
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Летаетъ!!» игра.

Выкройка ночной кофточки для дѣвочки.

3010 H. E. DE B. B. O.

3010 H. E. DE B. B. O.

№ 6. Январь, 1912.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Неожиданная гостя.

НА ВСТРѢЧУ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Проснувшись на слѣдующее утро, Коля приподнялся на локоть и оглядѣлся по сторонамъ. Было свѣтло. Въ открытое окошко доносились щебетаніе птицъ и далекіе крики скота и яркое солнце наполняло комнату своими лучами. У окна росъ вишневый кустъ, и тонкій, еле уловимый аромат носился въ воздухѣ. Было уже поздно.

„Кажется, я проспалъ...“ подумалъ Коля и вскочилъ на колѣнки.

Онъ вспомнилъ, какъ вчера встрѣтился съ нимъ на какой-то станціи старичекъ, какъ принялъ въ немъ участіе и повезъ его потомъ къ себѣ.

— Значить, я у него... проговорилъ Коля. Но гдѣ же я?

Онъ соскочилъ съ дивана, подбѣжалъ босой къ окошку и сталъ въ него глядѣть. Передъ нимъ разстилался большой фруктовый садъ и вдаль, сквозь не густыя еще деревья, сверкала поверхность пруда. Кричали лягушки и было такъ хорошо и тепло, что не хотѣлось отходить отъ окна.

— А, ты уже всталъ! вдругъ послышался позади Коли голосъ. — Ну, какъ твое здоровье? Я приходилъ къ тебѣ уже раза три и вот открылъ для тебя окошко!

Коля обернулся и увидалъ старичка.

— Поправился? Здоровъ? продолжалъ старичекъ и пощупалъ его лобъ. — Ну, вотъ и хорошо! Жару нѣтъ... Значить, можешь одѣться и идти пить чай! Я такъ и думалъ, что это ты усталъ. Сейчасъ тебѣ принесутъ воды.

Онъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла дѣвушка съ тазомъ, кувшиномъ воды и полотенцемъ. Коля одѣлся, дѣвушка дала ему умыться и, свѣженькій, причесанный и аккуратный, онъ снова отошелъ къ окну и сталъ въ него глядѣть.

— Идите, паничъ, пить чай! сказала ему дѣвушка. — Васъ ждутъ!

— А куда? спросилъ онъ.

— Какъ выйдете въ коридоръ, то направо—самая крайняя дверь.

Коля отправился по указанному направленію и скоро увидалъ себя въ свѣтлой стеклянной галлерей. Въ ней было много цвѣтовъ и летали и прыгали залетѣвшіе изъ сада воробы. У одной изъ стѣнъ стоялъ столъ съ кипѣвшимъ самоваромъ и около него сидѣла старушка въ чепцѣ и бросала воробьямъ крошки. Надѣвъ очки на

самый кончикъ носа, старичекъ тоже сидѣлъ у стола и читалъ газету. Завидѣвъ вошедшаго Колю, они оба ласково улыбнулись и такую широкою улыбкой, что она сразу заняла все ихъ лица и такъ и осталась на нихъ на долгое время.

— Батюшка мой! Голубчикъ! залепетала старушка. — Такой маленькой, а заѣхалъ такъ далеко!

И она притянула его къ себѣ и горячо поцѣловала его и въ щеки и въ лобъ.

— Ну, садись, садись!.. заговорилъ и старичекъ. — Будемъ чай пить вмѣстѣ!

Старушка налила Колѣ чаю, обставила его сухариками, ватрушками и пирожками, намазала ему масла на хлѣбъ и оба старичка съ умиленіемъ стали смотрѣть, какъ онъ началъ ѣсть.

— Кушай, кушай, мой голубчикъ! заговорила старушка. — Ъшь больше! Ты вѣдь на чужой сторонѣ! О тебѣ некому позаботиться!

Затѣмъ они стали его спрашивать, кто онъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ, и, узнавши, что онъ былъ сиротой, что цѣлые два года онъ прожилъ одиноко, безъ отца и безъ матери, у какой-то тетушки Клеопатры Петровны, оба они прослезились и стали гладить мальчика по головѣ.

— Но каковъ?! сталъ восхищаться имъ старичекъ. — Ъдетъ такъ далеко одинъ, чтобы встрѣ-

тить своего многожданнаго, горячо-любимаго отца! Анненька, ты только подумай объ этомъ! Ты только представь себѣ всю глубину души этого юнаго, безстрашнаго героя! Вѣдь это — будущій Суворовъ, Наполеонъ!

Анненька тоже смотрѣла полными восхищенія глазами на Колю, но ее не такъ умиляло въ немъ то, что онъ ѣхалъ такъ далеко одинъ и ради такой прекрасной цѣли, какъ то, что онъ былъ сирота, одинокъ и что находится сейчасъ на чужой сторонѣ.

— Гдѣ то нашъ Алеша? вздохнула она. — Какъ то ему живется тамъ одному! Бѣдный, бѣдный мальчишечка! Что-то съ нимъ теперь будетъ!

Вздохнулъ глубоко и старичекъ. Пролетѣлъ тихій ангелъ, все замолчали и еще долго продолжалось это молчаніе.

— Хоть-бы одна добрая душа наплась! проговорила наконецъ старушка. — Хоть-бы кто-нибудь позаботился о немъ и привезъ-бы его сюда!.. Такъ и умру, — его не увижу!

— Ничего... постарался успокоить ее старичекъ. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Кто-нибудь привезетъ его сюда! Я уже не разъ писалъ во Владивостокъ. А если никто и не привезетъ, то онъ самъ сюда пріѣдетъ! Вѣдь ѣдетъ же этотъ молодой человекъ одинъ.

Затѣмъ все встали изъ-за стола.

Старичекъ взялъ Колю за руку и повелъ его въ садъ.

Послѣ холодной ночи былъ на диво прекрасный день. Было тепло, даже жарко; вишни, сливы и яблони были въ полномъ цвѣту, между вѣтвей летали съ жужжаніемъ пчелы и шмели, щебетали птицы и издалека доносилось неугомонное трещанье лягушекъ. По бокамъ чисто подметенныхъ и усыпанныхъ красноватымъ пескомъ дорожекъ росли тюльпаны и ирисы и Колѣ казалось страннымъ, что они уже цвѣли, тогда какъ всего только полтора дня тому назадъ, въ Москвѣ, о цвѣтахъ не могло быть и рѣчи.

— Здѣсь у насъ хорошо! говорилъ Колѣ старичекъ, ведя его за руку.—Здѣсь родились мои дѣды и прадѣды, здѣсь родился и я самъ и вотъ эти деревья посажены моей рукой. Здѣсь все соединено въ очаровательную гармонію, чтобы улаживать наши сердца, но уввы!—Господь не послалъ намъ счастья подъ старость. Этотъ соловей поетъ не для насъ, эта весна приходитъ не для насъ и видъ этихъ прекрасныхъ цвѣтовъ уже не уладитъ нашихъ старѣющихъ очей...

Онъ глубоко вздохнулъ и сорвавъ вѣточку цвѣтущей вишни, засунулъ ее Колѣ въ петлицу.

— Когда-то по этому саду, продолжалъ старичекъ,—бѣгали мои два сына и дочь.—Я еще и теперь

слышу ихъ голоса. Но одинъ изъ сыновей—Петруша—утонулъ, другой умеръ, будучи студентомъ Императорскаго Московскаго университета, а дочь вышла замужъ за офицера, отправилась отыскивать его на Дальній Востокъ и тамъ умерла отъ чахотки, оставивъ единственнаго нашего внука, своего сына Алешу,—на произволь судьбы.

Объ этомъ внучкѣ Алешѣ Коля услышалъ сегодня уже во второй разъ.

— Гдѣ-же онъ теперь? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Не знаемъ... отвѣтилъ старичекъ.—Я наводилъ о немъ справки, писалъ нѣсколько разъ и въ Никольскъ-Уссурійскій, и во Владивостокъ—и все оказалось напраснымъ. Намъ отвѣтили, что его нѣтъ нигдѣ и что мѣстопробываніе его неизвѣстно,—но развѣ это можетъ утѣшить, развѣ это можетъ успокоить наши бѣдныя сердца?

Пришли къ пруду и сѣли на лавочкѣ на берегу, подъ большой столѣтней липой. Было тихо, тепло, какія-то насѣкомыя кучками летали надъ водой и противоположный берегъ, точно въ зеркалѣ, отражался въ ясной поверхности пруда. Кричали иволги и суетились дрозды. Теперь было уже несомнѣнно, что установилась прочная, теплая весна.

— Грустно!.. покачалъ головою старичекъ.—Грустно, что такъ сло-

жилась наша жизнь! Большая красивая усадьба, голубое небо и свѣженькая листва, но не слышно дѣтскихъ голосовъ и полная неизвѣстность относительно Алеши. Гдѣ онъ, что съ нимъ—это вопросы, которые не выходятъ у насъ изъ головы.

И они долго просидѣли молча, одинъ думая о своемъ пропавшемъ внуку, а другой глядя съ восторгомъ по сторонамъ и не вѣря своимъ глазамъ. Куда онъ попалъ? Не сонъ-ли это? Неужели на землѣ еще есть такіе очаровательные уголки, гдѣ и Богомъ, и людьми все создано для земного счастья, гдѣ такъ ласково свѣтитъ солнце и такъ вкусно пахнутъ первые весенніе цвѣты!

И вдругъ издалека донесся до Коли какой-то свистъ.

— Что это? спросилъ онъ и вздрогнулъ такъ, точно только сейчасъ пришелъ въ себя.

— Это локомотивъ... отвѣчалъ старичекъ и поглядѣлъ на часы.— Поѣздъ прошелъ... Здѣсь недалеко полотно желѣзной дороги.

Одно только слово поѣздъ привело Колю въ себя. Оно сразу, вдругъ, напомнило ему о цѣли его путешествія, о томъ, что время не ждетъ, что ему нужно продолжать путь до Одессы и во что-бы то ни стало встрѣтить отца, и онъ вскочилъ, засуматошился и ему показалось, что все уже потеряно и что онъ не увидится съ отцомъ

уже больше никогда. И все въ одну минуту потеряло для него интересъ. Онъ растерянно оглядѣлся по сторонамъ, точно ища выхода изъ этого сада, и ему стало казаться, что этотъ прошедшій поѣздъ уже послѣдній и что теперь придется ждать и ждать безъ конца, а тѣмъ временемъ, въ Одессу, уже придетъ пароходъ и отецъ уѣдетъ на сѣверъ одинъ.

— Что съ тобой? спросилъ Колю старичекъ.— Тебѣ нехорошо? У тебя опять жаръ?

И онъ потрогалъ его ладонью за лобъ.

— Нѣтъ... отвѣтилъ мальчикъ,— я ничего!.. Только... только которое сегодня число?

— Двадцатое апрѣля. А что?

— Завтра долженъ приѣхать мой папа, а я здѣсь!.. Мнѣ надо скорѣе отправиться въ Одессу... Позвольте мнѣ уѣхать!

Старичекъ поднялся и снова поглядѣлъ на часы.

— Поѣздъ на Кіевъ и на Одессу, сказалъ онъ, — отходитъ отъ нашей станціи въ два часа. Ты еще уснѣешь. Но позволь, я дамъ твоему папѣ телеграмму прямо на пароходъ, чтобы онъ самъ заѣхалъ сюда за тобой! Вѣдь ему пришлось-бы сдѣлать для этого небольшой крючокъ: отъ Ворожбы сюда и обратно. А ты тѣмъ временемъ погостилъ-бы у насъ!

И не дожидаясь отвѣта Коли,

онъ взялъ его за руку и отправился съ нимъ вмѣстѣ въ домъ.

— Коля хочетъ отъ насъ уѣзжать, обратился онъ къ встрѣтившей его на балконѣ женѣ. Я, Анненька, хочу пригласить его папу къ намъ. Ты слышишь? Коля хочетъ уѣхать и оставить насъ однихъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. испугалась вдругъ старушка и замахала рукой.—Развѣ это можно?.. Развѣ можно больного мальчика отпустить одного? Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что на это не соглашусь. У меня сегодня и вареники для него заказаны, и шоколадъ, и мороженое будетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно!

Она тоже засуетилась, старичекъ оставался въ нерѣшительности, не зная что дѣлать, а Коля сталъ плакать.

— Я къ папѣ хочу... сказалъ онъ.—Я хочу встрѣтить папу... Я такъ давно его не видѣлъ!

Старичкамъ стало жалко видѣть его слезы, они сознавали, что оставить его у себя, прервать на половинѣ его путь и тѣмъ лишить его возможности свиданія съ отцомъ, было-бы жестоко, и въ то же время не хотѣлось разставаться съ тѣмъ, кто такъ напоминалъ имъ ихъ внучка Алешу и такъ сразу наполнилъ своимъ присутствіемъ ихъ жизнь.

— Останься съ нами! продолжалъ старичекъ.—Я дамъ телеграмму твоему папѣ, онъ пріѣдетъ

сюда, погостить у насъ, мы будемъ ѣсть вишни, будемъ вмѣстѣ купаться...

Но мальчикъ разливался въ три ручья.

— А, можетъ быть, вы оба останетесь у насъ на зиму!.. продолжалъ старичекъ.—Мы будемъ кататься на санкахъ, я прикажу сдѣлать для тебя большую снѣговую гору!

А старушка съ своей стороны предлагала Колѣ разныхъ печеній, лакомствъ и вареній, но кончилось тѣмъ, что онъ настоялъ на своемъ и утѣшился только тогда, когда наконецъ получилъ отъ нихъ согласіе отпустить его въ Одессу.

— Вѣдь завтра долженъ пріѣхать папа! возражалъ онъ имъ и этотъ его доводъ казался ему такимъ яснымъ, такимъ вразумительнымъ, что всѣ другіе доводы блѣднѣли передъ нимъ и казались мелкими и нестоящими вниманія.

Итакъ, сегодня онъ снова будетъ продолжать свой путь! Еще какіе-нибудь 30—36 часовъ и онъ будетъ уже въ Одессѣ, онъ увидитъ своего отца, бросится къ нему на шею, расскажетъ ему, какъ онъ безъ него скучалъ и будетъ съ нимъ говорить, говорить безъ конца.

Завтракали, обѣдали, гуляли, но все это какъ-то скользило по Колѣ, какъ-то проходило мимо него, не задѣвая его сердца. Старушка

старалась угостить его то тѣмъ, то другимъ, старичекъ водилъ его по усадьбѣ, показывая ему то маленькихъ цыплятъ, то жеребятъ, но тоска по отцѣ снова овладѣла Колей, завладѣла всѣмъ его существомъ и онъ ходилъ, какъ тѣнь, и все время думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Завтра онъ увидитъ отца!

Но вотъ и два часа. Его собираютъ въ путь, даютъ ему цѣлый узелокъ пирожковъ, ватрушекъ и сластей, старушка долго его креститъ, старичекъ суетъ ему въ жилетный карманчикъ денегъ на дорогу, а потомъ всѣ вмѣстѣ присаживаются на минуту, снова встаютъ, выходятъ на крыльцо и усаживаютъ Колю въ экипажъ.

— Ты-же смотри, Григорій, осторожнѣе! говоритъ старичекъ.— Когда будешь переѣзжать черезъ рельсы, то посматривай, какъ-бы не попасть подъ локомотивъ! А ты, Коля, пиши намъ почаще! Привози своего папу сюда! Мы будемъ ему рады!

— Смотри, какъ-бы тебя не ограбили по дорогѣ, предупреждаетъ Колю старушка.— Мало-ли теперь развелось недобрыхъ людей! Не только деньги отнимутъ, да еще и самого-то возьмутъ! Будь остороженъ! Обязательно намъ напиши! Если, чего Боже сохрани, не встрѣтишь своего папу, то возвращайся къ намъ опять! Мы будемъ тебя ждать!

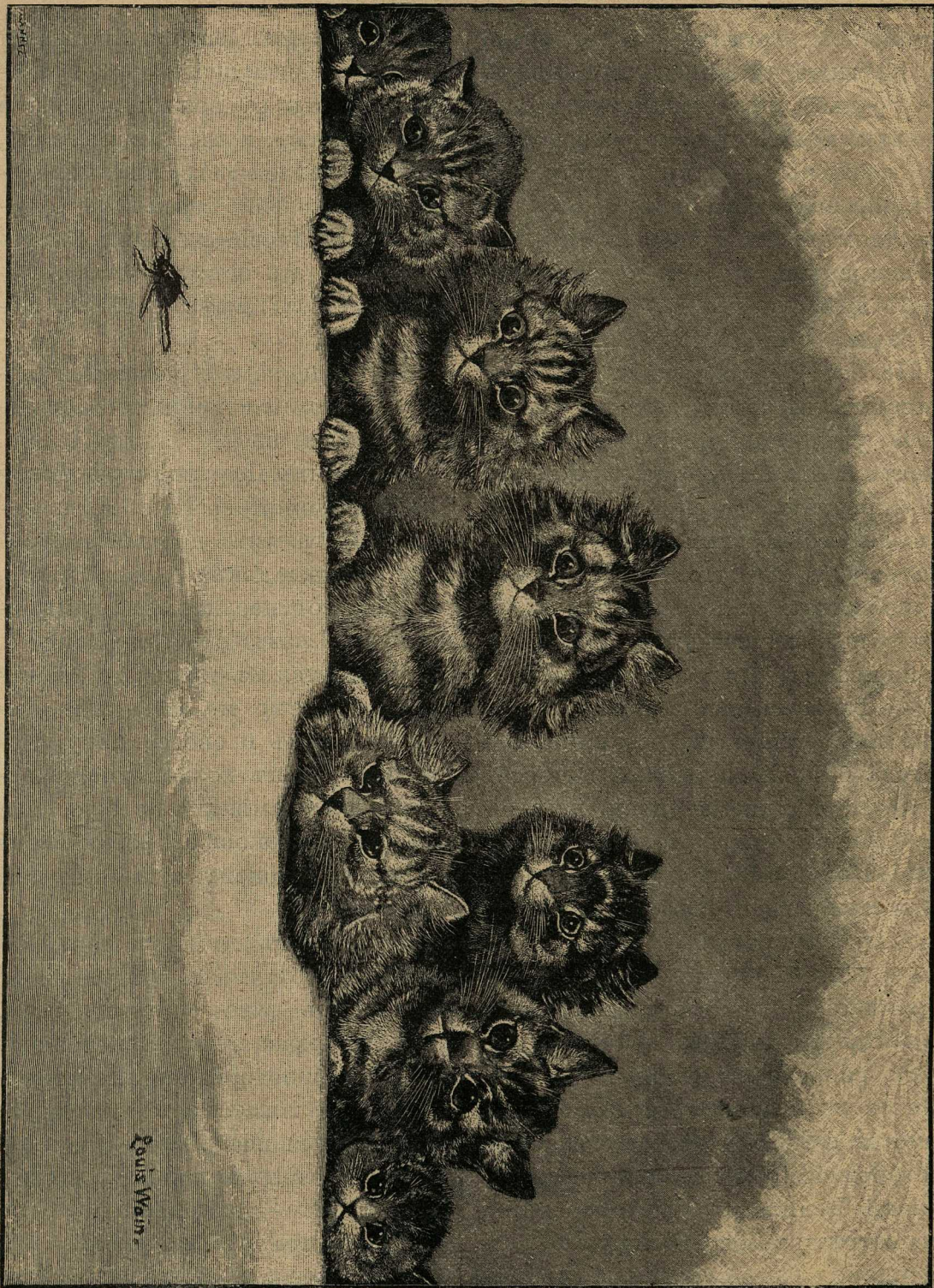
Они цѣлуютъ его въ послѣдній разъ, благословляютъ его, Григорій дергаетъ за вожжи и лошади трогаются въ путь. Дворъ, садъ, длинная аллея изъ пирамидальныхъ тополей, вереница бѣлоснѣжныхъ гусей, идущихъ въ сторонѣ—все это остается скоро позади и Коля выѣзжаетъ на дорогу.

— Пиши намъ! раздаются позади него чуть слышные голоса.— Не забывай насъ!

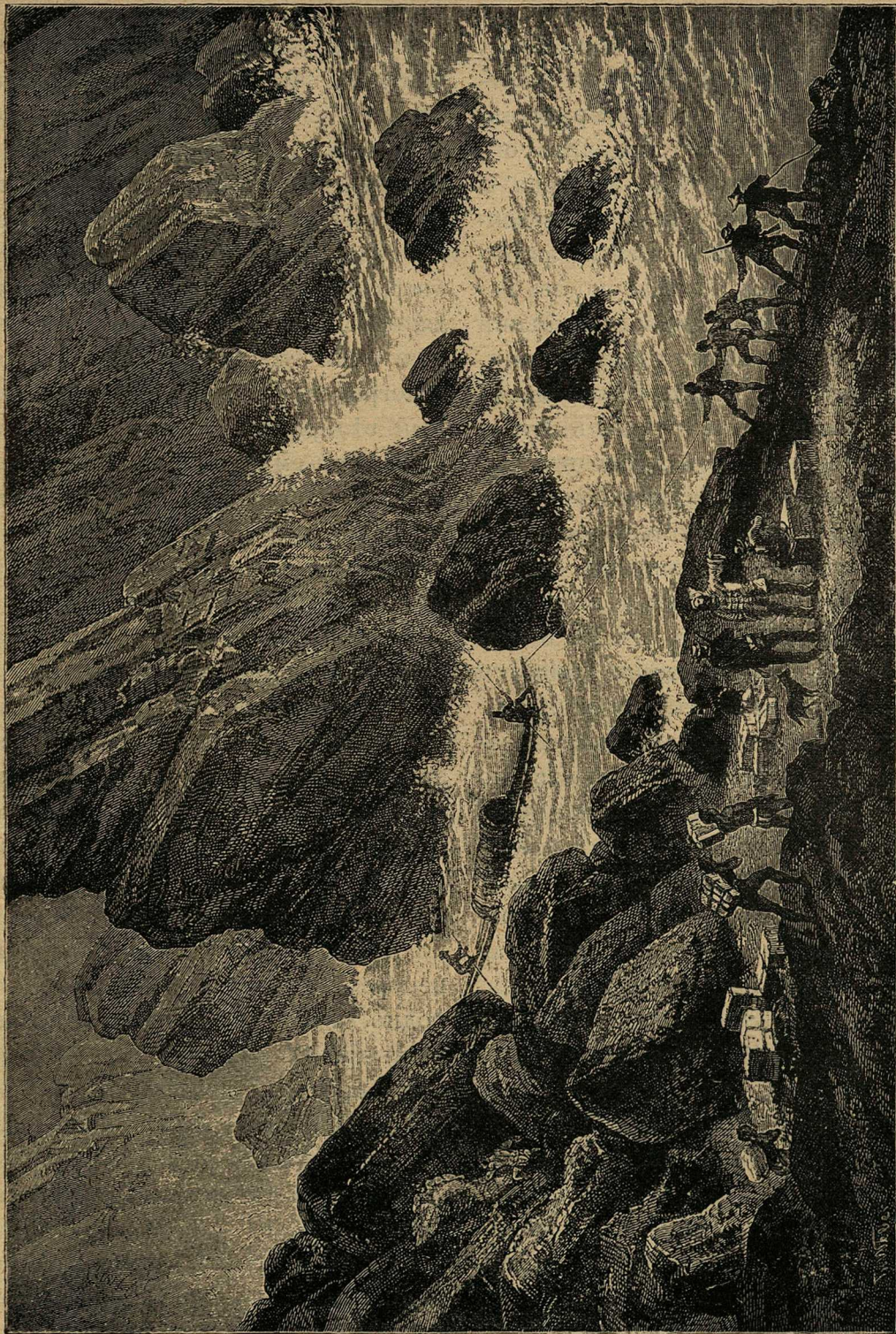
Забыть ихъ! Да развѣ это возможно? Развѣ сможетъ Коля когда-нибудь забыть этихъ добрыхъ стариковъ, которые такъ приласкали его, такъ нѣжно отнеслись къ нему и приняли его, какъ своего. Конечно, онъ вернется къ нимъ, онъ навѣститъ ихъ еще не разъ и привезетъ къ нимъ и своего папу. Насколько будетъ возможно, онъ постарается замѣнить собою для нихъ ихъ пропавшаго безъ вѣсти Алешу и успокоить ихъ одинокою старостью!

И пока онъ думаетъ такъ, лошади все бѣгутъ и бѣгутъ, вотъ потянулись уже озимыя поля, вотъ изъ края въ край перекинулось желѣзнодорожное полотно, и вотъ уже показались вдаль и станціонныя постройки. Около водокачки стоитъ какой-то поѣздъ и дымитъ. Это—товарный, но Коля кажется, что это почтовый, онъ боится опоздать и проситъ Григорія подогнать.

— Чего они интересны ?

Louis Vain.

Горная рѣка въ Кохинхинѣ въ Южной Азiи.

Но вотъ уже и станція. Коля стоитъ на платформѣ и дожидается поѣзда. Около него Григорій, которому приказано посадить его въ самый вагонъ. Оба молчатъ и каждый думаетъ свою собственную думу. Свѣтитъ солнце, жарко и пахнетъ весной. Далеко на горизонтѣ виднѣются красныя крыши усадьбы гостепріимныхъ старичковъ. Кто они? Какъ ихъ фамилія? Колѣ такъ и не удалось этого узнать. Онъ стоитъ и глядитъ въ высокое небо, гдѣ звонко поетъ радостный, воздушный жаворонокъ, и старается увидѣть его въ глубокой синевѣ. Но его не видно. Слышна только его пѣсня и отъ нея трелей у Коли на душѣ дѣлается такъ тепло и такъ хорошо, что ему хочется вдругъ запрыгать, замѣяться или начать бѣгать по тѣмъ свѣженькимъ лужкамъ, которые виднѣются недалекѣ около желѣзнодорожнаго полотна и изъ которыхъ такъ привѣтливо выглядываютъ изъ травы первые весенніе желтенькіе цвѣточки.

Выходитъ сторожъ и звонить въ колоколь. Появляются начальникъ станціи и жандармъ. Затѣмъ съ грохотомъ прибываетъ поѣздъ и Григорій вводитъ Колю въ вагонъ.

— Прощайте, паничъ! говоритъ онъ ему и снимаетъ шапку.—Дай вамъ Богъ счастливаго пути! Пріѣзжайте до насъ еще разъ.

Онъ выходитъ изъ вагона и еще

долго заглядываетъ къ Колѣ въ окно. А затѣмъ все движется въ сторону—и Григорій, и начальникъ станціи, и жандармъ, и станціонныя постройки, слышится подъ поломъ шумъ и поѣздъ отправляется въ путь. Онъ все болѣе и болѣе развиваетъ свой ходъ и, взглянувъ въ окно, Коля видитъ уже одни только поля и лѣса и телеграфныя столбы. Весенній теплый вѣтерокъ обдуваетъ его лицо, шевелитъ ему волосы и до него доносится ароматъ отъ цвѣтущихъ дикихъ грушъ, то и дѣло попадающихъ ему на пути.

— Завтра я увижу папу! то и дѣло повторяетъ онъ и улыбается во все лицо.—Еще нѣсколько часовъ,—и я буду уже въ Одессѣ.

Заходитъ солнце, бѣлая мазанки попадающихъ по пути малороссійскихъ хатокъ становятся оранжевыми, темнѣютъ лѣса и пѣсни жаворонокъ становятся еще слышнѣе. Около какой-то станціи громко поетъ соловей и, несмотря на вечеръ, сегодня уже не такъ холодно, какъ было вчера. Слышится въ вагонѣ хохлацкая рѣчь и отъ всего, и отъ природы, и отъ людей, и даже отъ самихъ вагоновъ и станцій вѣетъ чѣмъ-то другимъ, новымъ, чѣмъ-то такимъ, къ чему не привыкъ Коля у себя въ Москвѣ.

Но вотъ уже и Ворожба. Здѣсь пересаживается на Кіевъ. Коля выходитъ изъ вагона и садится за тотъ самый столикъ, за которымъ

сидѣлъ и вчера. Вотъ здѣсь старичекъ предлагалъ ему чай, здѣсь всѣ огни замелькали у Коли въ глазахъ. Неужели онъ былъ такъ сильно болѣнъ вчера? И онъ оперся на локоть и сталъ вспоминать о старичкахъ. Онъ думалъ объ нихъ, объ отцѣ и по мѣрѣ того, какъ спускался вечеръ, ему все болѣе и болѣе хотѣлось спать и сами собой закрывались глаза. А когда подошелъ поѣздъ на Кіевъ, то кто-то потрогалъ его за плечо и сказалъ:—

— Эй, паничъ! Проснитесь! Пора ѣхать! Поѣздъ уже пришелъ!

И вотъ Коля опять въ вагонѣ. Ночь, въ открытое окошко дуетъ теплый вѣтерокъ, глядятъ съ неба кроткія звѣзды, но Колѣ кажется, что это во снѣ и что станціи мелькаютъ одна за другой. Ему хочется только одного: спать, спать, и спать и онъ укрывается одѣяломъ съ головой, протягиваетъ ноги и забывается крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

А когда онъ просыпается, то поѣздъ стоитъ уже около какой-то большой станціи. По платформѣ взадъ и впередъ ходитъ множество народа, раздаются крики носильщиковъ, свистки локомотивовъ и откуда-то издалека, должно быть, изъ города доносится звонъ колоколовъ. Коля спохватывается и сбрасываетъ съ себя одѣяло. Въ вагонѣ уже пусто и только два или три запоздав-

шіе пассажира складываютъ еще свои вещи и стараются, какъ-бы не опоздать.

— Гдѣ мы? спрашиваетъ Коля. — Куда мы приѣхали? Какой это городъ?

— Кіевъ! отвѣчаетъ ему пассажиръ.

Коля тоже спѣшно собираетъ свои вещи, выбѣгаетъ на платформу, наскоро умывается, наскоро ѣстъ и пьетъ и снова усаживается въ вагонъ. Теперь ужъ онъ поѣдетъ безъ пересадки до самой Одессы!

И вотъ передъ нимъ опять тянутся поля и лѣса, но на этотъ разъ встрѣчаются ужъ и виноградники. Здѣсь груши и яблони уже отцвѣли и такъ тепло, какъ въ Москвѣ бываетъ лѣтомъ. Продаютъ на станціяхъ цвѣты и зеленая пшеница настолько уже высока, что въ ней могла-бы спрятаться большая собака. По черной, хорошо распаханной землѣ безконечными рядами тянутся подсолнечники, кукуруза и свекловица. По дорогѣ попадаются цѣлыя стада воловъ и овецъ. А поѣздъ все идетъ и идетъ...

На одной изъ станцій въ вагонъ входитъ маленькій, хмурый гимназистъ и пугливо оглядывается по сторонамъ. Когда отходитъ поѣздъ, то онъ вынимаетъ изъ мѣшечка свои пожитки, долго осматриваетъ со всѣхъ сторонъ перочинный ножикъ и небольшой игрушечный пистолетъ, и засовываетъ ихъ къ себѣ за поясъ. Затѣмъ онъ засо-

вывааетъ брюки за голенищи своихъ сапогъ и оставшись вполнѣ доволенъ собой, достааетъ корку черного, сухого хлѣба и начинаетъ ее громко грызть. Колѣ становится жаль его, онъ вспоминаетъ о тѣхъ пирожкахъ, которые дали ему съ собой въ дорогу вчера старички, и протягиваетъ ему одинъ изъ нихъ.

— Вотъ пирожокъ, обращается онъ къ нему. — Возьми его, если хочешь!

— Нѣтъ, краснокожій братъ мой! отвѣчаетъ ему гимназистъ. — Я не могу этого ѣсть. У насъ въ Пампасахъ ѣдятъ только овощи, сырое мясо, охотятся на базановъ и ловятъ арканами дикихъ мустанговъ.

— Мустанговъ? переспрашиваетъ его Коля. — А что это такое мустангъ?

— Это дикая лошадь...

— Развѣ у васъ водятся здѣсь дикія лошади?

— Нѣтъ, краснокожій братъ мой! Здѣсь— Россія, а я говорю про Америку. Я— Монтезума— Соколиный глазъ. Я— вождь неукротимыхъ...

И, оглянувшись по сторонамъ и убѣдившись, что его не слышитъ никто, онъ подсаживается къ Колѣ и начинаетъ ему говорить:

— Я— ученикъ второго класса. Мое ямя— Костя Оттопыринъ. Но я бѣжалъ изъ дому и вотъ направляюсь теперь въ Одессу. Тамъ я сяду на пароходъ и уѣду на немъ въ Америку. По дорогѣ буду пи-

таться чернымъ хлѣбомъ и водой. Въ Америкѣ я поступлю въ индѣйцы и буду тамъ ловить мустанговъ. Я убѣгалъ и въ прошломъ году, но это мнѣ не удалось, за то теперь меня ужъ не поймаетъ никто! Бѣжимъ сомной! Ты будешь мой товарищъ — Квито — Ястребиное крыло... Мы будемъ съ тобой вмѣстѣ питаться корешками, насѣкомыми и травой, будемъ охотиться на дикихъ звѣрей...

Колѣ показались странными эти его слова, онъ отодвинулся отъ него немножко къ сторонѣ и съ жалостью на него поглядѣлъ.

— А у тебя есть деньги, чтобы ѣхать на пароходѣ? спросилъ онъ его.

— Да, у меня осталось еще 28 копѣекъ, но это ничего! Я могу обходиться только хлѣбомъ и водой. При случаѣ я могу ѣсть сѣно и мухъ!

И точно въ доказательство того, что онъ дѣйствительно можетъ ѣсть насѣкомыхъ, онъ тутъ-же поймалъ зазѣвавшуюся муху, разжевалъ ее и съѣлъ.

И по мѣрѣ того, какъ поѣздъ все ближе и ближе подходилъ къ Черному морю, они все больше и больше входили въ интересы одинъ другого. Костя Оттопыринъ съ алчнымъ вниманіемъ слушалъ рассказы Коли о томъ, какъ его отецъ объѣхалъ уже на пароходѣ вокругъ всей Азіи, прошелъ черезъ Красное море и Суэцъ, и сегодня при-

ѣдетъ уже въ Одессу, а Коля, теперь уже съ интересомъ и съ легкой насмѣшкой, выслушивалъ его мечты о томъ, какъ онъ отправится въ Америку и поступитъ въ индѣйцы. Для него было ясно, что бѣдный мальчикъ начитался разныхъ путешествій и рассказовъ про индѣйцевъ и теперь бросилъ родной домъ и семью, чтобы только отправиться такъ далеко.

— А не лучше-ли тебѣ возвратиться назадъ? задалъ онъ ему неожиданно вопросъ.

Костя поднялъ кверху глаза, подумалъ и нерѣшительно отвѣтилъ:

— Все будетъ зависѣть отъ того, отвѣтилъ онъ,—соскучусь-ли я по мамѣ и сестрѣ или нѣтъ. У меня есть единственная сестра Надя и мнѣ жаль было съ ней разставаться. Я приглашалъ ее бѣжать со мной и поступитъ въ индѣйки, но она не согласилась. Тогда я рѣшилъ бѣжать въ Америку одинъ.

Но вотъ ужъ и Одесса. Коля сторагаетъ отъ нетерпѣнія и не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Тянутся цѣлыя вереницы вагоновъ, желѣзнодорожныхъ построекъ, вотъ закоптѣлое депо, вотъ большая водокачка, вотъ стоятъ семафоры, высоко поднявъ кверху свои указующіе персты, а вотъ наконецъ и большой вокзалъ. Раздается послѣдній свистокъ и поѣздъ оканчиваетъ свой путь.

— Станція Одесса! слышится голосъ кондуктора.

Въ вагонъ врываются носиль-

щики, хватаются за вещи пассажировъ, происходятъ неизбѣжныя замѣшательство и суета — и вотъ Коля выходитъ изъ вагона.

— Прощай, Квито — Ястребиное крыло! обращается къ нему Костя. — Когда я приѣду въ Америку, то тебѣ напишу!

— До свиданія, Костя! отвѣчаетъ ему Коля и со всѣхъ ногъ, насколько хватается у него силъ, выбѣгаетъ изъ вокзала въ городъ.

Скорѣй, скорѣй! Онъ спѣшитъ туда, на гавань, гдѣ, быть можетъ, стоитъ уже у пристани пароходъ и гдѣ онъ увидитъ сейчасъ своего отца! Городовые указываютъ ему путь, прохожіе разступаются передъ нимъ, боясь какъ-бы онъ не сбиль ихъ съ ногъ, кто-то толкнулъ его въ бокъ, раза два онъ чуть было не попалъ подъ извозчика, но онъ не замѣчаетъ вокругъ себя никого и ничего и занятъ только одною мыслью, какъ бы поскорѣе попасть на пароходъ.

Но вотъ онъ уже у каменной лѣстницы, ведущей изъ города къ морю. Широкое, голубое, оно протянулось изъ края въ край, на немъ тамъ и сямъ виднѣются паруса и корабли, внизу ѣдутъ подводы съ кладью, снуютъ взадъ и впередъ локомотивъ, и у самого берега вышпается цѣлый лѣсъ изъ мачтъ и носятся густые клубы дыма, выходящаго изъ паровыхъ трубъ.

Коля сбѣгаетъ съ лѣстницы внизъ и, не помня себя и не чуя подъ

собою ногъ, сломя голову, бѣжить къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ самыя большіе пароходы. Добѣжавъ до нихъ, онъ останавливается, переводитъ духъ и спрашиваетъ у проходящаго мимо моряка:

— Позвольте узнать, какой пароходъ пришелъ изъ Владивостока!

— А вотъ этотъ! указываетъ ему морякъ. — Это „Петербургъ“. Онъ только сегодня въ семь часовъ утра, пришелъ съ Дальняго Востока.

Наконецъ-то Коля уцѣли всѣхъ своихъ мечтаній! Наконецъ-то исполнилось его пламенное желаніе и онъ увидитъ сейчасъ своего отца! И не помня себя отъ радости и волненія, онъ взбѣгаетъ по мосткамъ на пароходъ и бѣжитъ туда, гдѣ по его расчетамъ долженъ находиться его отецъ.

Кругомъ пусто, пассажировъ нѣтъ и только нѣскольکو десятковъ матросовъ заняты разгрузкой парохода.

— „Навѣрное, папа гдѣ-нибудь внизу“, думаетъ Коля. — „Онъ усталъ съ дороги и можетъ быть, прилежъ отдохнуть“.

И онъ входитъ въ рубку и ищетъ глазами своего отца.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спрашиваетъ его лакей.

— На этомъ пароходѣ долженъ былъ пріѣхать изъ Владивостока мой папа, отвѣчаетъ ему Коля. — Я пришелъ сюда, чтобы его встрѣтить и уѣхать въ Москву уже вмѣстѣ съ нимъ...

— А онъ кто такой?

— Онъ капитанъ. Фамилія его — Зиновьевъ!

— Онъ пріѣхалъ изъ Владивостока?

— Да, да!

— Такъ онъ сегодня-же утромъ уѣхалъ на поѣздѣ къ себѣ въ Москву! Я самъ нанималъ для него извозчика на вокзалъ.

Коля не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ похолодѣло у него подъ сердцемъ и какъ палуба вдругъ закачалась у него подъ ногами и весь пароходъ и вся Одесса пошли отъ него куда-то вбокъ.

— Но можетъ быть, то былъ не онъ? попробовалъ было утѣшить себя Коля.

— Нѣтъ, онъ! Такой высокій, большіе черныя усы и зовутъ Николай Алексѣичъ. Онъ еще говорилъ не разъ своимъ спутникамъ, что у него остался въ Москвѣ сынокъ Коля. Это, бываетъ, не вы?

Теперь не оставалось уже больше никакихъ сомнѣній. Коля закрылъ руками лицо, опустился на диванчикъ и сталъ плакать. Онъ рыдалъ такъ, какъ только можетъ плакать изстрадавшая, наболѣвшая душа, плечи его вздрагивали и ему стало казаться, что теперь отецъ находится отъ него дальше, чѣмъ былъ до сихъ поръ, и что онъ не увидитъ его уже больше никогда.

Заходило солнце и его лучи отражались на морскихъ волнахъ.

Наступалъ вечеръ, запахло сыростью, по прежнему свисталъ на берегу локомотивъ и изъ города донесся звонъ густого соборнаго колокола. Это звонили ко все-нощной.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЖИДАНИЕ.

Что день,—то всё морозы злѣе,
Зима стучится у окна,
И мы всё ждемъ, чтобы весна
Пришла къ намъ теплая скорѣе;

Чтобъ вдругъ промчалася гроза,
За ней заквакали лгушки,
Проснулись бабочки и мушки
И залетала стрекоза;

Чтобъ средь задумчивыхъ полей
Раздался снова ревъ скотины,
Чтобъ зацвѣли кусты, куртины
И вновь зацелкалъ соловей;

Мы ждемъ, чтобъ ландышъ и левкой
Въ саду толпами запестрѣли
И чтобы томный звукъ свирѣли
Раздался ночью за рѣкой...

Но вотъ ужъ скоро!... Дни идутъ,
А тамъ великій постъ настанетъ
И вдругъ весна, весна нагрянетъ
И съ горъ потоки побѣгутъ!

Кузнечикъ.

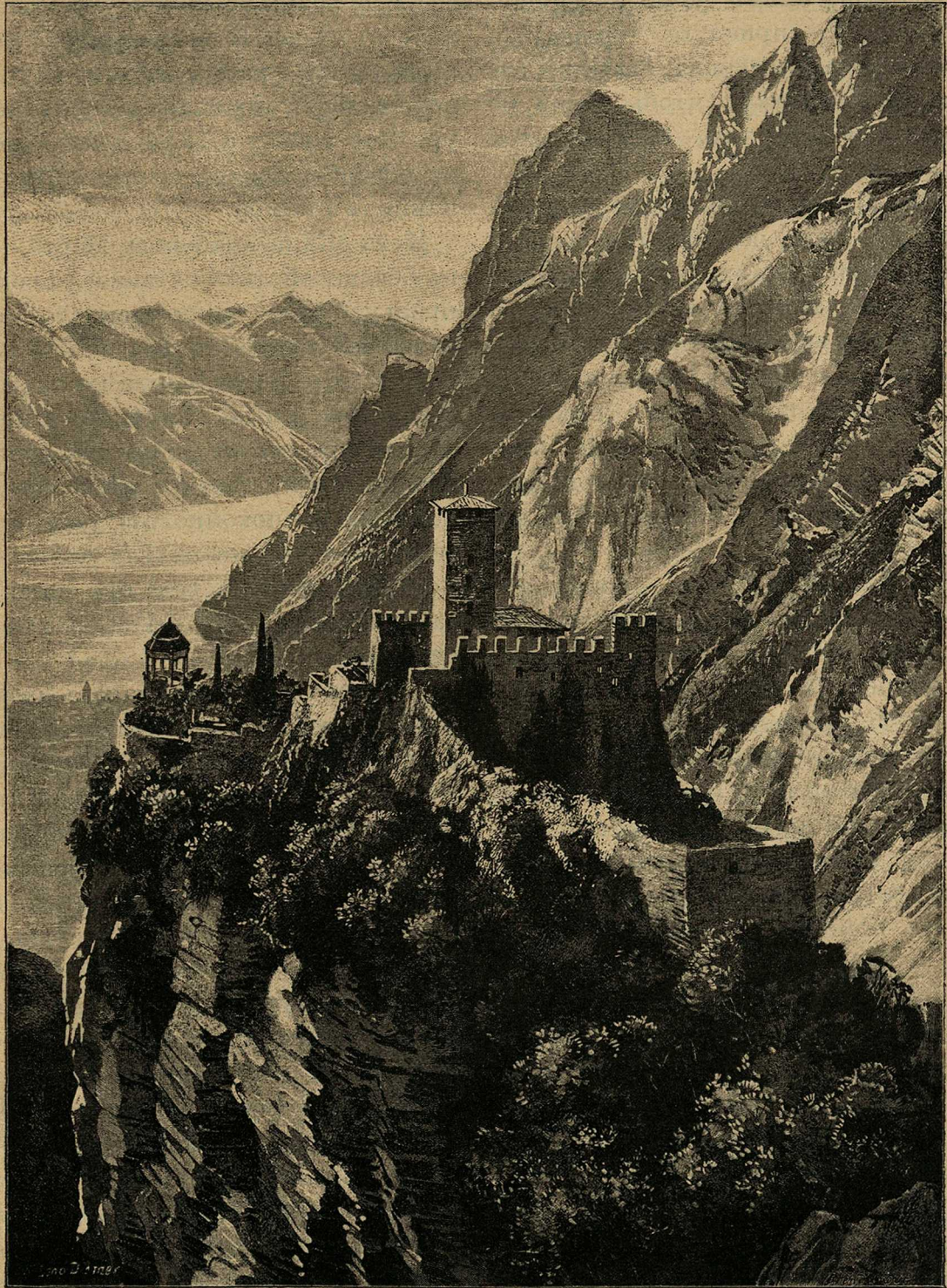
СЛѢПАЯ.

Вершины горъ уже скрылись за синими, нависшими тучами. Озеро побурѣло, заволновалось и его волны съ шумомъ стали разбиваться о береговые камни. Слышался отдаленный громъ и теперь для всѣхъ обитателей маленькаго

швейцарскаго домика было несомнѣнно, что разразится гроза и будетъ такой ливень, что смоетъ съ горъ деревья и траву и можетъ быть даже повлечь за собою обвалы камней и цѣлыхъ скалъ. Мальчикъ Симонъ спѣшилъ загнать по-

Зимой въ горахъ.

Замокъ на Рейнѣ.

скорѣе въ хлѣвъ козъ и корову. Дѣвушка — прислуга торопилась затворить на окнахъ ставни и запереть калитку, чтобы ихъ не оторвало вѣтромъ. Приближался ураганъ.

Въ этомъ домикѣ крестьянина Жана Пьеро всё были неспокойны. Утромъ пріѣхалъ изъ Лондона какой-то важный англичанинъ, и настоялъ на томъ, чтобы Жанъ провель его на самую вершину горъ, гдѣ скопились вѣчные снѣга и льды. Жанъ былъ хорошимъ проводникомъ, славился своимъ знаніемъ окрестныхъ горъ и потому отказался.

— Сегодня будетъ дурная погода, отвѣтилъ онъ. — Насъ можетъ застать въ горахъ буря и мы погибнемъ. Необходимо переждать.

— Я не располагаю временемъ, отвѣтилъ англичанинъ. — Я хотѣлъ посмотреть на Альпійскіе ледники и нарочно пріѣхалъ сюда изъ Лондона. Если я задержусь здѣсь хоть на день, то мои больные останутся безъ помощи. Я — врачъ.

— Что дѣлать, докторъ, продолжалъ Жанъ, — но рисковать своею жизнью изъ-за какихъ-нибудь двадцати франковъ я не хочу.

— Я дамъ вамъ не двадцать, а двѣсти франковъ. Хотите вы меня проводить въ ледники?

Жанъ не ожидалъ такого оборота дѣла: предложенная сумма показалась ему громадной, онъ соблазнился, взялъ свою палку и

все необходимое и они отправились въ горы. И вотъ теперъ въ горахъ уже гремѣлъ громъ, началась буря, прошло уже давно урочное время, а Жанъ все еще не возвращался со своимъ англичаниномъ домой.

Мать Жана — бабушка Марта, — въ безпокойствѣ оставила свою прялку, сѣла у единственнаго не запертаго окна, глядѣла на горы и то и дѣло поглядывала на часы. Около нея, ни на минуту не отходя отъ нея, стояла ея внучка, дочь Жана — Мари, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, и спокойно глядѣла наверхъ. Но она не видѣла ничего. Вотъ уже два года, какъ она ослѣпла и цокорно переносила свое несчастье.

— Скоро уже пять часовъ, сказала старушка, — а Жана все еще нѣтъ и нѣтъ. Непогода увеличивается съ каждой минутой и я уже начинаю за него бояться. Вотъ уже все небо покрылось тучами. Неужели Жанъ не могъ предвидѣть, что будетъ буря? Охъ, ужъ эти мнѣ англичане! Нѣтъ на свѣтѣ болѣе упрямаго народа, чѣмъ они! Если англичанинъ чего захочетъ, такъ ужъ непременно настоитъ на своемъ. Впрочемъ, и Жана я не обвиняю. Онъ такъ любить всѣхъ насъ, такъ заботится о своей семьѣ, что готовъ для ея блага пожертвовать своею жизнью. Въ это время ослѣпительная молнія разрѣзала небо и громкій,

раскатистый громъ потрясъ горами и избушкой.

— Ахъ, Боже мой, какая молнія! вздохнула старушка и перекрестилась.— Помоги ему, Господь!

Дѣвочка приникла къ ея плечу и затрепетала.

— Какъ мнѣ страшно, бабушка!.. сказала она.— Я не вижу молніи, но слышу, какъ гремитъ громъ. Папа ушелъ въ горы и теперь можетъ подвергнуться тамъ опасности. Зачѣмъ онъ туда пошелъ? Что заставило его туда идти?

— Нужда, милая моя внучка, нужда, отвѣтила ей бабушка и покачала головой.— Вѣдь англичанинъ предложилъ ему цѣлые двѣсти франковъ! Ты знаешь, что для насъ такая сумма? Вѣдь насъ четверо человекъ. Я — старуха, неспособная работать ничего! Ему приходится зарабатывать сразу на всѣхъ! Ахъ, Пресвятая Дѣва, какая сейчасъ сверкнула молнія! Святъ, святъ, святъ!..

Она едва договорила эти слова, какъ раздался вновь оглушительный ударъ грома, прокатился по горамъ, отозвался гдѣ-то далеко за озеромъ и затѣмъ глухо проворчалъ надъ крышей и смолкъ гдѣ-то далеко-далеко за противоположнымъ берегомъ озера.

— Я отодвину, бабушка, твое кресло подальше отъ окна, предложила ей слѣпая.— Хочешь? Такъ будетъ удобнѣе!

И не дожидаясь отвѣта старуш-

ки, она отодвинула ее на средину комнаты.

Гроза надвигалась все ближе и ближе и громъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Старушка уже молчала и только прислушивалась къ завыванью вѣтра и крестилась послѣ cadaго удара грома. Слышно было, какъ въ страхѣ блеяли козы и мычала корова и какъ на чердакѣ вѣтеръ ворошилъ солому. Деревья пригибались листвою къ землѣ.

— Ахъ, Господи, гдѣ-же нашъ папа? вдругъ воскликнула Мари, дрожа отъ страха.— Пресвятая Дѣва, помоги ему, не оставляй насъ сиротами однихъ! Возьми лучше мою жизнь, потому что она не нужна никому! Сохрани его живымъ!

— Не говори такъ, Мари, строго обратилась къ ней старушка.— Разъ ты живешь, значитъ, твоя жизнь нужна и для тебя, и для другихъ. Перевези меня лучше въ спальню и дай мнѣ четки. Я буду молиться...

Мари послушно напарила на стѣнкѣ четки, подала ихъ бабушкѣ и повезла ее въ сосѣдную комнату.

Буря продолжалась. Теперь уже за воемъ непогоды, въ общемъ хаосѣ звуковъ, нельзя было разобрать ничего. Шумѣло озеро. Гремѣлъ громъ, потрясая всей вселенной, съ ревомъ срывались съ горъ ручьи и потоки, волоча за собой

вырванные съ корнемъ вѣковыя деревья и камни и низвергая ихъ въ озеро. За ударомъ грома слѣдовалъ ударъ и эхо отзывалось дикимъ трескомъ въ горахъ и каждую минуту стало казаться, что вотъ-вотъ горы расколятся на нѣсколько частей и ринутся внизъ на землю. Казалось, что тысяча гигантовъ хохотали по ту сторону озера и небо разорвалось на двѣ половины и изъ образовавшейся щели сыпались на землю молніи, какъ змѣи. Дрожащими руками старушка перебирала четки, а слѣпая стояла около нея, не видѣла ничего, но слышала все и въ каждомъ звукѣ умѣла уловить то, чего не могли понять другіе.

...„О путешествующихъ, страждующихъ, плѣненныхъ“, молилась старушка, — „и о спасеніи ихъ“...

И вдругъ кто-то робко вошелъ въ сосѣдную комнату и сталъ звать:—

— Мари!.. Мари, гдѣ ты?.. Ты здѣсь?

Это былъ братъ Маріи Симонъ, мальчикъ девяти лѣтъ. Онъ смотрѣлъ за козами и стерегъ ихъ въ хлѣву, чтобы онѣ не разбѣжались, испугавшись грома. Въ хлѣву были пробиты для свѣта дырки, которыхъ не успѣли заткнуть.

Услышавъ голосъ брата, Мари оцупью направилась къ нему.

— Мари, мнѣ страшно!.. залепетала онъ.—Я боюсь!..

— Стыдись, Симонъ! отвѣтила

ему слѣпая.— Ты—мальчикъ, ты будущій мужчина и проводникъ. Развѣ можно бояться грома? На кого ты сейчасъ похожъ!

— Мнѣ страшно, сестра! Съ тѣхъ поръ, какъ умерла наша мама, ты всегда успокоивала меня и вотъ я прибѣжалъ къ тебѣ... Кромѣ того, я боюсь за отца... Его нѣтъ съ самаго утра. Не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь въ горахъ?

Она оцупью погладила его по головѣ.

— Нашъ отецъ опытный проводникъ, отвѣтила она. — Лучше его не знаетъ горъ никто...

— Но ты слышишь, какъ воетъ вѣтеръ и гремитъ громъ? Можетъ случится въ горахъ обвалъ и задавить нашего отца или загородить ему дорогу.

— Ничего, онъ найдетъся, какъ ему поступить.

Мари едва владѣла собой, но старалась казаться спокойной, чтобы ободрить брата.

— А гдѣ бабушка? спросилъ мальчикъ.

— У себя въ комнатѣ. Она боится и молится Богу.

И вдругъ она вздрогнула и стала прислушиваться, точно чуткимъ ухомъ услышала среди воя непогоды то, чего не слышалъ-бы никто другой.

— Симонъ, подойди сюда! сказала она.— Посмотри скорѣе въ окно!

Мальчикъ робко подошелъ къ

окну, но вспыхнувшая молнія на мгновение ослѣпила его и раздавшийся вслѣдъ затѣмъ ударъ грома заставилъ его присѣсть.

— Смотри, Симонъ, повторила дѣвочка. — Я слышу чьи-то голоса! Тамъ, кажется, что-то случилось! Постарайся взглядѣться получше!

— Я боюсь, сестра, мнѣ страшно, отвѣтилъ Симонъ. — Зачѣмъ онъ такъ громко гремитъ!

— Будь, Симонъ, мужчиной! Собери все свое мужество и гляди скорѣе въ окно!

Мальчикъ подошелъ къ окошку и сталъ вглядываться въ туманную даль. Передъ нимъ разстилалось волновавшееся, сѣрое озеро, горы утопали въ облакахъ, спустился вечеръ и было уже такъ сумеречно, что невидно было того берега и сосѣднихъ горъ.

Мари. Ты смотришь въ окно, Симонъ? Ты видишь тамъ что-нибудь? Ты слышишь, какъ зовутъ на помощь?

Симонъ. Нѣтъ, сестра, я не слышу ровно ничего. Это тебѣ такъ показалось! Уже вечеръ и я не могу разобрать ничего.

Мари. Но я слышу голосъ нашего отца и еще чей-то другой. Это навѣрно они! Вглядись получше! Напряги все свое зрѣніе и постарайся разглядѣть!

Симонъ. Сейчасъ вспыхнула молнія и ослѣпила меня, но я дѣйствительно увидалъ на томъ берегу

какихъ-то двухъ мужчинъ! Они махали руками и повидимому, звали къ себѣ на помощь.

Мари. Это они! Это нашъ отецъ и его спутникъ — англичанинъ. Вглядись получше и постарайся выяснитъ, гдѣ именно они стоятъ?

Симонъ. Я не слышу тебя, сестра... Повтори, что ты сказала. Гремитъ такой громъ, что не слышно ничего.

Мари. Сейчасъ вспыхнетъ молнія и ты снова ихъ увидишь! Постарайся получше разглядѣть, гдѣ они стоятъ!

Симонъ. Мнѣ страшно молніи, сестра! Я боюсь, что я ослѣпну отъ нея и не буду видѣть такъ же, какъ и ты.

Мари. Будь мужчиной, Симонъ! Будь храбръ, какъ нашъ отецъ! Тебѣ уже десятый годъ! (вспыхиваетъ молнія и вслѣдъ за ней раздается ударъ грома). Я слышу громъ, — значитъ сейчасъ была молнія... Что ты увидѣлъ сейчасъ, Симонъ?

Симонъ. Я увидѣлъ сейчасъ на томъ берегу нашего отца и еще какого-то мужчину. Они прижались къ скалѣ и находятся уже у самой воды. Если ихъ не спасти, то волны озера подхватятъ ихъ и повлекутъ къ себѣ на дно. Если-же они останутся тамъ пережидать, то горный потокъ все равно снесетъ ихъ въ воду и они утонутъ.

Дѣвочка вздрогнула и выпрямилась во весь свой ростъ. Однимъ

прыжкомъ она очутилась около своего брата, стоявшаго у окна, и схватила его за руку.

— Послушай, Симонъ, заговорила она.—Ты долженъ сейчасъ же ихъ спасти! Если имъ не подать помощь, то они погибнуть! У нашего берега стоитъ лодка. Ты сядь въ нее, возьми весла и отправляйся на тотъ берегъ! Если ты этого не сдѣлаешь, то они погибнуть, а этого не проститъ намъ Богъ!

— Но я еще маленькій, сестра, отвѣтилъ мальчикъ... Я боюсь грома и волнъ... Мнѣ не справиться съ большою лодкой одному!

— Если-бы я могла видѣть, какъ и ты, если-бы можно было оставить нашу бабушку одну, то я отправилась-бы вмѣстѣ съ тобой... Поѣзжай одинъ!

— Сестра, пожалѣй меня, не посылай меня одного!

— Ты долженъ ѣхать, потому что погибаетъ нашъ отецъ.

Она сказала это такимъ тономъ, что онъ не могъ больше возражать. Маленькій, худенькій, весь съезжившійся отъ страха, онъ направился къ двери.

— Я отправляюсь, сестра! сказалъ онъ, остановившись на порогѣ.— Поцѣлуй меня въ послѣдній разъ!

Она подошла къ нему, поцѣловала его въ лобъ и погладила его по головѣ.

— Да благословитъ тебя Господь! сказала она.

И онъ вышелъ. Воля сестры была для него законъ.

Шумить вѣтеръ. Льетъ ливнемъ дождь. Ревутъ горные потоки и гремятъ большіе, круглые камни, срывающіеся съ горъ и скатывающіеся въ воду. Вспыхиваютъ молніи и гремитъ оглушительный громъ. Слышно жалобное блеянье испуганныхъ козъ. По крутому берегу, цѣпляясь за его выступы и кусты и скользя по размытой тропинкѣ, спускается маленькій, весь съезжившійся отъ страха мальчикъ. Добравшись до озера, весь мокрый, полный ужаса передъ молніями и шумящими, темными волнами, онъ отпираетъ замокъ на цѣпи, садится въ лодку взмахиваетъ веслами. Вѣтеръ и волны подхватываютъ его и выносятъ на средину.

— Прощай, сестра!.. говоритъ онъ и невольно пригибается, чтобы не убилъ его громъ.

Его маленькія руки едва удерживаютъ весла. Его мускулы напряглись, какъ струны, его хрупкія ноги уперлись о полъ лодки и волны обливаютъ его со всѣхъ сторонъ. При свѣтѣ вспыхнувшей молніи онъ видитъ свой домикъ и въ немъ только одно не затворенное ставнями окно. Тамъ сейчасъ стоитъ его сестра и думаетъ о немъ. Вспыхиваетъ другая молнія и онъ видитъ на противоположномъ берегу своего отца и его спутника.

— Сейчасъ, отецъ! кричитъ онъ.—Я иду къ тебѣ на помощь!

Но вѣтеръ подхватываетъ его дѣтскій голосъ и уноситъ въ горы. А затѣмъ въ общемъ ревѣ непогоды сливается все.

Голосъ бабушки [изъ-за перегородки]. Мари, гдѣ ты?

Мари [у окна]. Я здѣсь, бабушка недалеко отъ тебя!

Голосъ бабушки. Что ты тамъ дѣлаешь?

Мари. Я прислушиваюсь къ вою непогоды.

Голосъ бабушки. Гдѣ нашъ Симонъ? Отчего его нѣтъ здѣсь?

Мари. Онъ стережетъ нашихъ козъ.

Голосъ бабушки. Поди, позови его сюда!

Мари (выйдя за дверь, постоявъ за нею недолго и возвратившись назадъ). Онъ заснулъ въ ясляхъ на соломѣ и такъ крѣпко спитъ, что мнѣ жаль стало его будить.

Голосъ бабушки. Въ такомъ случаѣ не буди его. Пусть онъ проснется тогда, когда уже окончится гроза. Но не боится-ли онъ? Не вздрагиваетъ-ли онъ во снѣ?

Мари. Нѣтъ, бабушка. По его ровному дыханію можно судить, что онъ спитъ крѣпкимъ и счастливымъ сномъ.

Голосъ бабушки. Ну, оставь его въ покоѣ!

Успокоивъ бабушку, дѣвочка продолжала стоять у окошка, прислушивалась и дрожала всѣмъ тѣ-

ломъ. Если не будетъ спасень отецъ, то погибнетъ и братъ и тогда она останется навѣки одна, слѣпая, ненужная никому, съ больною бабушкой на рукахъ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она лишена зрѣнія, почему она не можетъ отправиться за отцомъ вмѣсто брата сама, почему судьба лишила ее возможности видѣть эти молніи, которыя, вѣроятно, такъ прекрасны, эти горы и волны, шумъ которыхъ она привыкла слышать издалека?

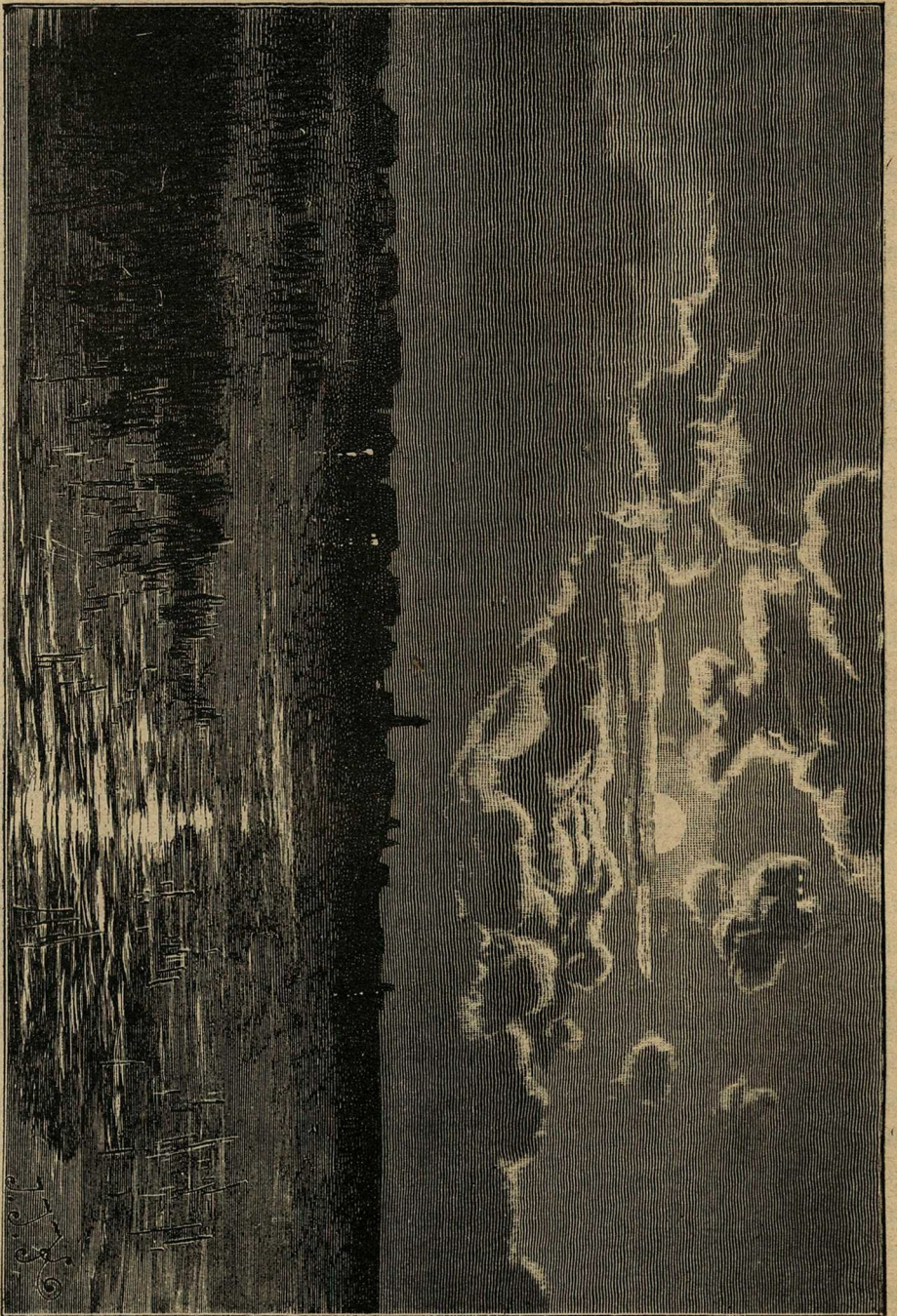
И склонившись у притолки окна, она стала слушать, не закричитъ-ли о помощи ея братъ. Но вѣтеръ не доносилъ до нея голоса Симона и только было слышно, какъ попрежнему шумѣли дождь и волны и какъ громъ раскатывался въ горахъ.

Но чу! что это такое! Неужели она ошиблась? Неужели ей въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ она ослѣпла, измѣнилъ ея слухъ? Чьи это голоса слышатся внизу? Кто это стучитъ веслами о бока лодки? Чей это слышится дѣтскій, веселый смѣхъ? Неужели они уже пріѣхали домой?

Голосъ Симона внизу у берега. Сюда, папа, сюда! Становись вотъ на этотъ камень, а то здѣсь скользко и ты можешь упасть!

Голосъ Жана Пьеро. Спасибо тебѣ, мой сынъ, мой маленькій храбрецъ!

Голосъ кого-то чужого. Спасибо

Въ лунную ночь.

Л. С.

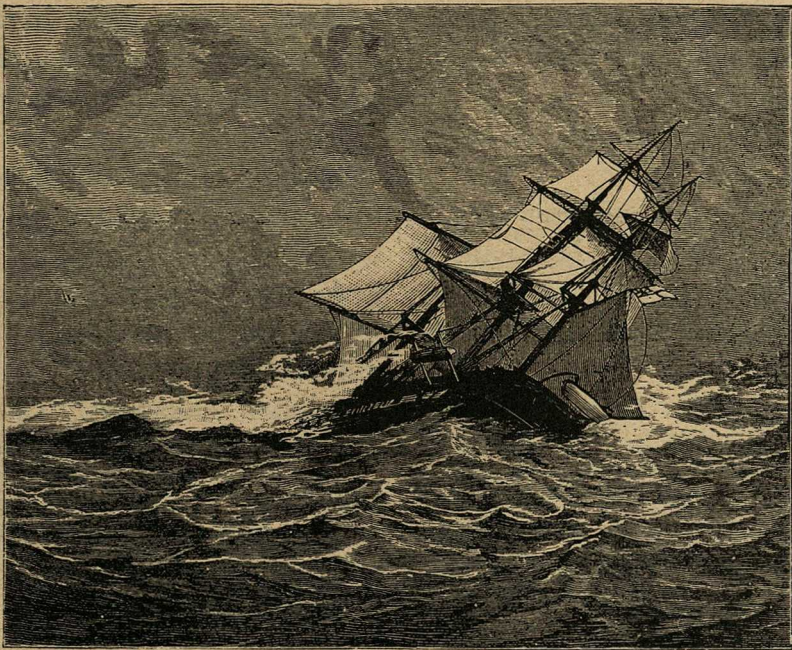
тебѣ, мальчикъ, и отъ меня. Ты спасъ намъ обоимъ жизнь!

И всѣ трое, мокрые, усталые, они входятъ въ комнату. Впереди идетъ веселый, радостный Симонъ, за нимъ слѣдуетъ его отецъ и докторъ-англичанинъ. Заслышавъ

раетъ глаза и выходитъ къ гостю и къ отцу.

— Я такъ рада, что ты опять у насъ... говоритъ она. — Но пойдѣ къ бабушкѣ и успокой ее.

Отецъ идетъ къ старушкѣ и рассказываетъ ей, какъ только-что

Въ открытомъ морѣ.

ихъ, Мари бѣжитъ къ бабушкѣ, бросается къ ней, обхватываетъ ея колѣни и начинаетъ плакать, плакать безъ конца.

— Мари, о чемъ ты? спрашиваетъ ее старушка.—О чемъ ты такъ горько плачешь?

Она поднимается съ полу, оти-

спасъ его маленькій Симонъ. Старушка въ запоздавшемъ страхѣ складываетъ руки ладонями вмѣстѣ и съ ужасомъ поднимаетъ къ небу глаза.

— Онъ плылъ къ тебѣ одинъ? восклицаетъ она.—И онъ не боялся бури и волнъ?

А въ это время въ сосѣдней комнатѣ докторъ-англичанинъ подходитъ къ дѣвчкѣ, долго приглядывается къ ней и говоритъ:—

— Вы слѣпая?

— Да, отвѣчаетъ она. Два года тому назадъ, я упала съ горы, ударилась о камень головой и перестала видѣть.

Онъ беретъ ея голову за виски, долго осматриваетъ ей глаза, затѣмъ лицо его озаряется улыбкой и онъ говоритъ:—

— Само Провидѣніе послало меня къ вамъ.

— Почему? спрашиваетъ она.

— Потому что ты больная, а я—врачъ. Нѣтъ-ли у васъ комнаты, гдѣ-бы намъ никто не могъ помѣшать?

Она указываетъ ему комнатку, въ которой спитъ по ночамъ Симонъ. Онъ вытаскиваетъ изъ своего чемодана футляръ съ инструментами, беретъ ее за руку и уводитъ.

Жанъ. Симонъ, ты слышалъ сейчасъ крикъ? Кто это такъ громко закричалъ сейчасъ въ сѣняхъ?

Симонъ (въ испугѣ). Это голосъ нашей Мари!

Бабушка. Что это съ ней? Почему она такъ громко закричала? Не ударилась-ли она обо что-нибудь?

Но въ это время широко распахивается дверь и съ повязкой на лбу вбѣгаетъ въ комнату Мари. Вслѣдъ за ней, съ высоко завер-

нутыми рукавами пиджака, входитъ докторъ.

— Я вижу, я вижу! въ радостномъ изступленіи кричитъ Мари. —Папа, бабушка, Симонъ, я больше уже не слѣпая! Докторъ сейчасъ мнѣ что-то сдѣлалъ и я стала видѣть все! Господи, Господи, неужели это правда? Неужели это не сонъ?

И не помня себя отъ радости, она начинаетъ бросаться на шею то къ бабушкѣ, то къ отцу, то къ доктору, то плачетъ, то смѣется, а за нею бѣгаетъ ея братъ Симонъ и, полный удивленія, старается заглянуть ей въ самые глаза.

А тѣмъ временемъ проходитъ буря, проясняется небо и вершины горъ озаряются краснымъ, далекимъ закатомъ. Снова начинаютъ слышаться птичьи голоса и громъ гремитъ гдѣ-то уже далеко-далеко и такъ глухо, что не вернется уже назадъ.

— Ну, мнѣ пора! говоритъ докторъ и надѣваетъ пальто.—Время не ждетъ. Дождь прекратился и я долженъ отправляться къ себѣ домой!

— Чѣмъ мнѣ васъ благодарить? обращается къ нему Мари. — Я каждый день буду молиться за васъ Богу!

Докторъ ласково кладетъ ей руку на голову.

— А развѣ вашъ братъ не спасъ меня отъ смерти? Развѣ вашъ отецъ не рисковалъ своей жизнью для меня?

И, положивъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ, онъ направился къ двери.

— Жанъ! крикнулъ онъ. — Не проводите-ли вы меня до шоссе?

— Сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ Жанъ Пьеро и, накинувъ на плечи пальто и нахлобучивъ на глаза шляпу съ перомъ, взявъ свою палку съ крючкомъ и отправился вслѣдъ за гостемъ.

Мари смотрѣла ему вслѣдъ и не

вѣрила своимъ глазамъ, а въ соседней комнатѣ маленькій Симонъ рассказывалъ бабушкѣ, какъ онъ боролся съ волнами, какъ не боялся грома и молній и какъ спасъ доктора и своего отца.

На столѣ лежала кучка золотыхъ монетъ, но что она значила передъ счастьемъ видѣть и передъ сознаниемъ, что сдѣлано все, чтобы спасти другихъ!

К. Треплевъ.

* *
* *

Поведу тебя полянкой,
Тамъ вчера жасминъ зацвѣлъ.
Посмотри, какъ надъ медвянкой
Вьется рой мохнатыхъ пчель!
Посмотри, какъ хмѣлемъ дикимъ
Буйно липы обвиты!
А ужъ сколько земляники,
И какіе тутъ цвѣты!
Гдѣ журчить въ лѣсной прохладѣ
Водъ прозрачныхъ бирюза,

Пляшетъ въ радужномъ нарядѣ
Голубая стрекоза.
Нарядилися кувшинки
Въ бѣлоснѣжный свой уборъ;
Этой узенькой тропинкой
Мы пройдемъ съ тобою въ боръ.
Тамъ подъ вѣтками прохлада,
Пахнетъ свѣжею травой...
Поискать грибовъ бы надо,
Да корзинки нѣтъ съ собой!

Е. Селунская.

ЧУДЕСНЫЙ ПОЯСЪ.

(Сказка).

Далеко, далеко отсюда, въ одномъ городѣ, гдѣ стоитъ королевскій дворецъ, жила мать съ тремя дочерьми. Двѣ старшія были писанныя красавицы, но онѣ были спѣсивы и заносчивы и думали только объ удовольствіяхъ и нарядахъ. Младшая же дочь Анюта была дѣвушка добрая и съ нѣжнымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Но такъ какъ она не была такъ жекрасива, какъ и ея сестры, то даже

и мать обращала на нее мало вниманія, а сестры помыкали ею и взвалили на нее одну всю работу. Обѣ онѣ обращались съ нею, какъ со служанкой.

Анютѣ было больно, что мать и сестры не любятъ ея, но она не огорчалась и не сердилась на это, а наоборотъ, старалась всѣмъ угодить. Она вставала съ зарею и принималась чистить и мыть все въ

домѣ для того, чтобы все уже было въ порядкѣ къ тому времени, когда поднимутся сестры; она охотно имъ прислуживала и безъ ропота оставалась дома, когда онѣ уходили въ гости. Самымъ высшимъ удовольствіемъ для нея было принимать у себя странниковъ и бѣдняковъ и помогать тѣмъ, кто былъ несчастливѣе ея самой.

Лишь только выпадала свободная минута, какъ она уже бѣжала съ корзинкою въ рукѣ изъ дому и, если не хватало того, что она могла раздать, то она пополняла эту недостаку ласковыми словами и утѣшеніями. Выходя изъ убогихъ хижинъ и напутствуемая благодарностью и благословеніями, она чувствовала себя гораздо богаче и счастливѣе, чѣмъ ея сестры со всѣми ихъ богатствами и роскошными нарядами.

Въ городѣ въ это время царило радостное оживленіе. Вернулся изъ долгаго путешествія домой королевичъ и въ народѣ только и было разговора о томъ, какъ онъ ласково и привѣтливо раскланивался во всѣ стороны, когда вѣзжалъ въ открытомъ экипажѣ въ городъ по разукрашеннымъ цвѣтами и гирляндами улицамъ. Затѣмъ король и королева пожелали, что бы онъ выбралъ себѣ супругу изъ числа городскихъ красавицъ. Благодаря этому, приглашены были во дворецъ на балъ всѣ дѣвушки со всего города и всѣмъ имъ было извѣстно, что королевичъ будетъ выбирать себѣ невѣсту.

Обѣ старшія сестры ликовали, такъ какъ были убѣждены, что выборъ королевича падетъ именно на одну изъ нихъ; обѣ онѣ считались первыми красавицами въ го-

родѣ и ни у кого не было такихъ пышныхъ нарядовъ, какъ у нихъ. Одно только сердило ихъ, это то, что балъ былъ назначенъ такъ скоро на Ивановъ день—единственный день въ году, когда обѣ онѣ вставали до восхода солнца. Существовало повѣрье, что если дѣвушка поспѣетъ до восхода солнца и соблюдая полное молчаніе добратся до источника въ лѣсу и умыться изъ него родниковой водою, то весь слѣдующій день она сохранитъ красоту лица и будетъ румяна, какъ утрення заря. Само собою разумѣется, что сестры не захотѣли упустить этого случая и отдали Анютѣ строжайшій приказъ разбудить ихъ въ Ивановъ день до восхода солнца.

На другой день, чуть свѣтъ, Анюта уже стояла передъ сестрами и будила ихъ. Поспѣшно накинули онѣ на себя платья, взяли въ руки по кувшину и, соблюдая строгое молчаніе, пошли по мокрой отъ росы травѣ въ лѣсъ къ роднику. Тамъ Анюта наполнила кувшины свѣжею водою и подала ихъ сестрамъ умыться, а затѣмъ вымыла себѣ лицо и плечи и сама.

Попали онѣ какъ разъ во время, такъ какъ едва только онѣ кончили свой туалетъ, какъ сквозь вѣтви показался первый лучъ восходившаго солнца. Обѣ сестры вздохнули съ облегченіемъ.

— Слава Богу, теперь можно говорить, — сказала старшая изъ нихъ. — Молчать по принужденію ужасно тяжело.

— А рано вставать еще тяжелѣе,—проговорила, зѣвая и потягиваясь, вторая.

— И еще въ такой день, когда вечеромъ назначенъ балъ! Я увѣ-

рена, что буду блѣдна и менѣе интересна, чѣмъ всегда.

И сестры стали говорить о томъ, какъ великолѣпенъ будетъ балъ.

— Ахъ, если бы и мнѣ можно было пойти съ вами!— произнесла со вздохомъ Аня.

— Тебѣ?— усмѣхнулась старшая сестра. — Чего тебѣ тамъ дѣлать? Ужъ не думаешь ли и ты, что королевичъ остановитъ свой выборъ на тебѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтила скромно Аня. — Но я еще ни разу въ жизни не видала никакихъ баловъ!

— Если бы даже мы и вздумали взять тебя съ собою, — возразила вторая сестра, — то тебѣ все равно не во что было-бы одѣться.

— Можетъ быть, ты дала бы мнѣ надѣть свое старое бѣлое платье, — попросила Аня. — Съ меня и этого было бы довольно.

— Это можно, — согласилась старшая. — Но что подумаютъ люди, когда увидятъ что ты, наша сестра, и вдругъ явишься на балъ такъ просто одѣтой?

— Я сойду у васъ за служанку, — отвѣтила живо Аня. — Я буду стоять за вашими стульями и вы всѣмъ скажете, что я ваша горничная...

Сестры подумали и ничего не возразили. Посидѣвъ еще немного, онѣ отдали Анютѣ свои пустые кувшины и пошли домой.

Между тѣмъ солнце поднялось уже высоко и стало припекать. Обѣ старшія сестры начали вздыхать и жаловаться на жару и на долгій путь. Вдругъ средняя сестра воскликнула: —

— Поглядите, какая уродливая старуха лежитъ на дорогѣ!

Дѣйствительно, на самомъ при-

пекѣ лежала какая-то безобразная старуха. Около нея валялись очень тяжелые узлы съ какими-то травами и съ кореньями.

— Что съ тобою, бабушка? — участливо спросила ее Аня, подходя къ ней и приподнимая ее съ земли. — Здорова-ли ты?

Старуха открыла глаза и съ удивленіемъ оглянулась по сторонамъ.

— Ахъ, хоть бы одну капельку воды! — съ трудомъ проговорила она. — Я совсѣмъ ослабѣла и не пила уже давно.

Аня со смущеніемъ поглядѣла на пустые кувшины. Старуха застонала и вновь повалилась на землю.

— Одну бы только капельку воды, проговорила она, — а то я умру!

— погоди, бабушка, съ минутой, — отвѣтила ей Аня. — Я сейчасъ вернусь!

И она схватила кувшинъ и быстро убѣжала къ роднику.

— Куда ты? — закричали ей сестры. — Ты заставляешь насъ ждать и томиться на жарѣ! Что тебѣ за дѣло до старухи? Пусть себѣ валяется и кричитъ! Ты должна всегда быть при насъ!

Но Аня не слыхала ничего. Она добѣжала до родника, зачерпнула изъ него воды, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ полнымъ кувшиномъ. Она поднесла воду старухѣ ко рту, напоила ее и смочила ей виски, руки и лобъ. Сестры стояли тутъ-же и съ усмѣшкой поглядывали, какъ она ухаживала за старухой.

Старуха скоро оправилась.

— Спасибо тебѣ, родная моя, заговорила она. — Теперь я освѣ-

жилаась и могу продолжать свой путь. Но прежде всего мнѣ хотѣлось бы за твою привѣтливость сдѣлать по подарку тебѣ и твоимъ сестрамъ.

И съ этими словами она стала копаться у себя въ старомъ карманѣ, болтавшемся у нея на боку.

Обѣ старшія сестры подошли изъ любопытства ближе и насмѣшливо стали переглядываться между собою. Развѣ можетъ быть въ затасканномъ карманѣ старухи что нибудь подходящее для нихъ? Но какъ онѣ удивились, когда старуха вытащила два чудесные золотые пояса, украшенные блестящими драгоценными камнями!

— Эти пояса какъ разъ подойдутъ къ вашимъ прекраснымъ платьямъ, — проговорила старуха. — Когда будете надѣвать ихъ, то вспоминайте обо мнѣ. А тебѣ, милая дѣвушка — обратилась она къ Анютѣ, я могу подарить только одну вотъ эту ленту. Она какъ разъ подь стать твоей бѣдной, затрапезной одеждѣ.

Старуха протянула Анютѣ простенькую голубую ленту, по которой кое гдѣ были разбросаны серебрянныя блески.

Не успѣли сестры поблагодарить ее, какъ она уже подобрала свои узлы съ кореньями и побрела своею дорогою.

— Желая вамъ повеселиться побольше сегодня на балу! — крикнула она, обернувшись, и скрылась за ближайшими кустами.

Получивъ подарки, сестры сразу позабыли усталость и побѣжали поскорѣй домой примѣривать ихъ у зеркала. Онѣ были въ восторгѣ отъ того, что ни у одной изъ дѣвицъ, кромѣ нихъ, не будетъ та-

кого роскошнаго наряда. Анюта тоже была рада своей лентѣ и не обращала никакого вниманія на насмѣшки сестеръ по поводу такого скромнаго подарка.

Наступилъ вечеръ. Анюта помогла сестрамъ одѣться. Она надѣла на нихъ роскошныя платья, украсила ихъ прически цвѣтами и драгоценными камнями и застегнула имъ пояса. Когда сестры были совсѣмъ готовы, то она ушла къ себѣ въ каморку и тамъ тоже принарядилась. Она надѣла бѣлое платье своей сестры и голубую ленту старухи и приколола къ груди два бутона, сорванныхъ съ цвѣтка, росшаго у нея на окнѣ.

— Замѣчательно, — сказала мать, — Анюта сегодня кажется не такой уродливой, какой была всегда!

Но сестры даже и не взглянули на нее. Онѣ были озабочены тѣмъ, чтобы, садясь въ экипажъ, не помять своихъ роскошныхъ платьевъ. Для Анюты, конечно, не нашлось мѣста въ экипажѣ и она скромно сѣла на козла, рядомъ съ кучеромъ.

Лишь только сестры вошли въ большую залу, какъ со всѣхъ сторонъ послышался какой-то странный шепотъ.

— Смотрите, смотрите, заговорили всѣ, какъ эти двѣ дѣвушки некрасиво одѣты! Какіе на нихъ страшные, отвратительные пояса! Онѣ нацѣпили на себя живыхъ змѣй! Посмотрите, какъ эти змѣи страшно шевелятъ глазами и готовы каждаго укусить!

Но обѣ сестры подняли головы еще выше обыкновеннаго, такъ какъ думали, что всѣ поражены ихъ красотой. Онѣ не замѣчали, что представляли собою ихъ пояса, и они казались имъ верхомъ изя-

щества и вкуса и самые змѣнные глаза казались имъ крупными дорогими брилліантами, сверкавшими на весь дворець.

И всѣ стали ихъ сторониться.

— Это навѣрное потому всѣ гости оставляютъ насъ однихъ, говорили онѣ между собою, что боятся, какъ-бы въ сравненіи съ нами не казаться безобразными.

Онѣ выбрали себѣ самыя видныя мѣста, а Аня, какъ и обща-ла, скромно встала за ихъ стульями, какъ прислуга.

— Кого-то выберетъ себѣ королевичъ въ жены? — переговаривались шепотомъ сестры. — Навѣрное одну изъ насъ!

И въ самомъ дѣлѣ, можно было смѣло подумать, что это будетъ такъ, потому что королевичъ не сводилъ глазъ съ того мѣста, гдѣ онѣ сидѣли.

— Но кто эта красавица, которая стоитъ позади этихъ двухъ горячекъ-сестеръ? говорили въ толпѣ. — Откуда она? Посмотрите, какое у нея ангельское лицо! Какой удивительный на ней поясъ! Онъ весь изъ чистаго литога золота и сіяетъ, какъ солнце. Навѣрное, королевичъ выберетъ себѣ въ жены ее.

Заиграла музыка, начались танцы и всѣ смѣшались въ пестромъ цвѣтничѣ яркихъ костюмовъ, драгоценностей, страусовыхъ перьевъ, роскошныхъ шелковыхъ шлейфовъ и шляпъ. Королевичъ поднялся съ кресла, спустился по ступенямъ внизъ и направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли сестры. Обѣ онѣ такъ и покраснѣли отъ тщеславія и уже привстали, чтобы подать ему руку, но онъ съ легкимъ поклономъ раздвинулъ ихъ

стульи, взявъ за руку Аню и пошелъ съ нею танцовать.

Сѣвши опять на свои стульи, сестры такъ и позеленѣли отъ злости; между тѣмъ королевичъ подвелъ Аню къ своимъ отцу и матери и объявилъ ее своею невестою. Король и королева дружески обняли ее и прижали ее къ своей груди.

Вслѣдъ за этимъ съ большою пышностью была отпразднована свадьба. Но Аня и послѣ нея оставалась такою-же доброй и отзывчивой, какой была и раньше. Она забыла о томъ, какъ мать и сестры унижали ее, и посылала имъ при всякомъ удобномъ случаѣ богатые подарки. Для нея по прежнему не существовало такой бѣдной хижины, куда бы она не вносила утѣшенія — и всѣ полюбили ее, какъ родную мать.

Въ слѣдующій же Ивановъ день она ходила на то мѣсто, гдѣ когда-то ей повстрѣчалась старуха. Она была увѣрена, что ея счастье принесъ ей именно ея подарокъ, и ей хотѣлось ее поблагодарить щедрѣе. Но ее уже и слѣдъ простылъ. Когда-же она шла уже назадъ и на минуту остановилась, чтобы передохнуть, то ей показалось, будто изъ за кустовъ выглянуло сморщенное лицо старухи и будто послышался ея голосъ:

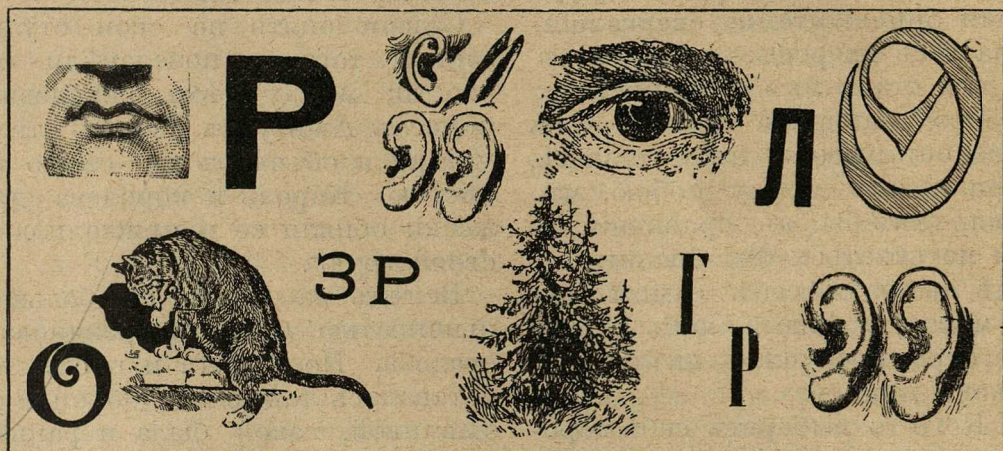
— Кто дѣлаетъ добро, тотъ и самъ его достоинъ...

Но можетъ быть это былъ и не голосъ, а вѣтерокъ, зашелестѣвшій въ вѣтвяхъ деревьевъ. Но королевѣ Аннѣ показалось, что это говорила именно старушка, и она долго еще стояла на мѣстѣ и все ждала, не заговорить-ли она съ нею опять.

А. Е.

Ребусъ № 6.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе ребуса № 3, помѣщенного въ № 3 „Золотого Дѣтства“.

На + р + вѣз + комъ + вѣ + труба + бочки + и + ст + ре + козы + вѣ + е + сѣ + деньги + бли + тысяча + ми = На рѣзкомъ вѣтру бабочка и стрекозы весь день гибли тысячами.

Рѣшеніе ребуса и головоломкѣ, помѣщенныхъ въ № 4 „Золотого Дѣтства“:

Головоломки: I. Сова, Осель, Бабочка, Арбузъ, Курица, Аромать = Собака.

II. Село, крупа, утята = лопата.

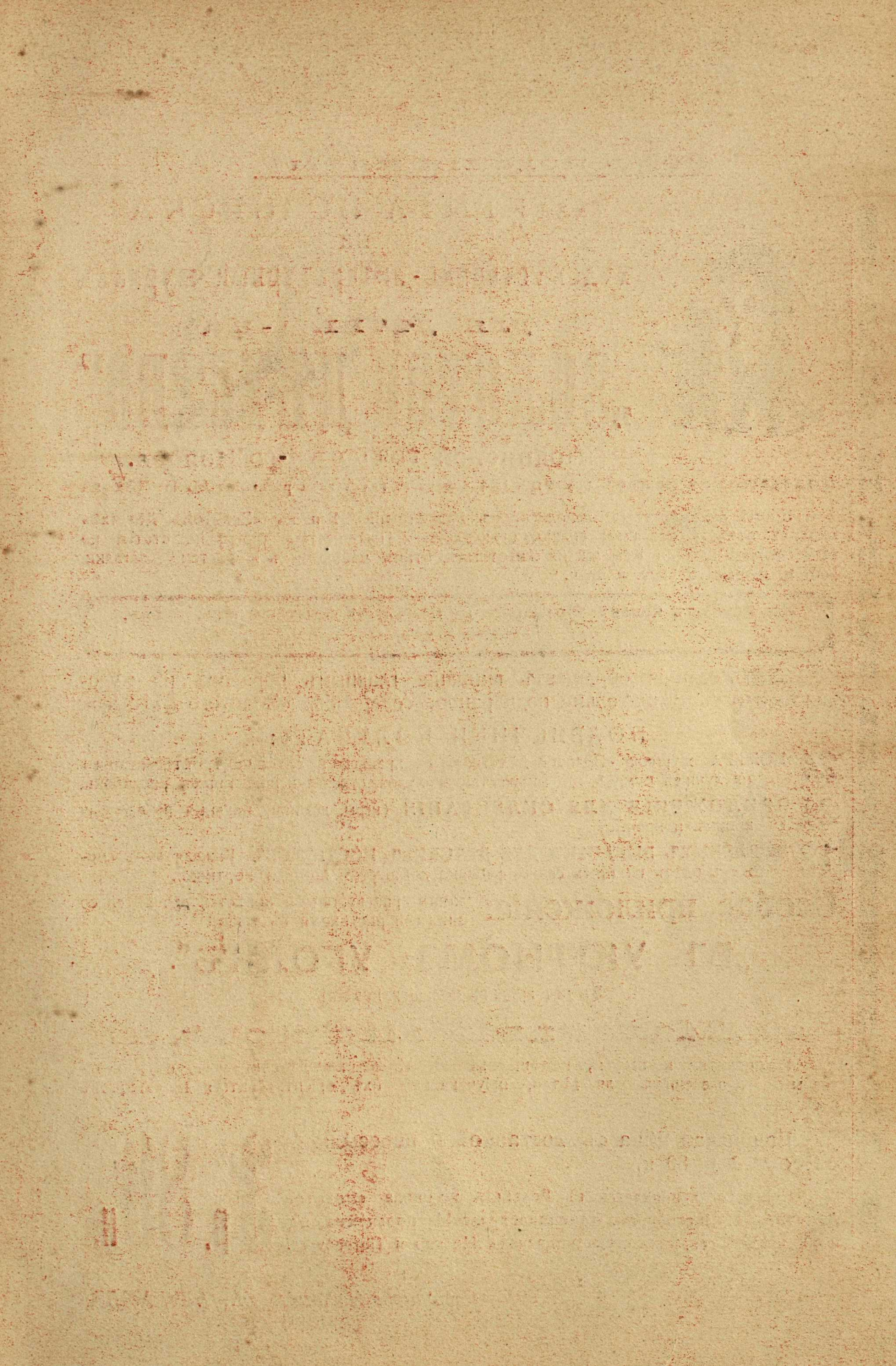
III. *Шуточные вопросы:* 1) перчаточникъ, 2) по полямъ шляпы.

IV. 1) по воздуху, 2) за рѣшоткой кассы, 3) по пашнѣ (по полю, по землѣ).

Ребусъ № 4. Избы + строй + ре + киска + мышъ + а + ми + рыба + кить + я + нули + не + въ одѣ = Изъ быстрой рѣки съ камышами рыбаки тянули неводъ.

Вѣрные рѣшенія головоломкѣ и ребусовъ прислали: Нина Васильева, Коля Виноградскій, «Золотая Дѣтка», Тоня Владыкина, Аркаша Поповъ изъ

Великихъ Лукъ, Надя Иванова, Сима Нажди^{на} Павелъ Чикинъ, Владиміръ Пѣтуховъ, Женя Стрекоза, Вяча Вуданцевъ изъ Харькова, Софи Грибова, Валя Крикмейеръ, Боря Афанасьевъ, Витя Доливо-Добровольскій, Женя Исакова, Коля Глушницкій, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Соня, Лида, Мари Вороновы, Костя Красавинъ, Дилли Грейфе, Гриша Кричевскій, Ваня и Маша Прянишниковы, Сережа Домрачовъ изъ Камышлова, Лидія Деньгина, Вася Ежовъ, Бетти Стекланская, Валя Дымова, Андриуша Тумановъ, Галина Гладченко изъ Огульцовъ, кто-то безъ подписи на розовой бумагѣ съ ласточкой, Сережа и Пава Лисенко изъ Елисаветполя, Станиславъ Квинта, Борисъ фонъ-Бремзенъ въ СПБ., Тася Нейшвильдъ въ СПБ., Галина Русловичъ, Андриуша Федотовъ—донской казачекъ и его тетя Таня Волкова, Шура Николаевская изъ Новочеркасска, Ваня и Юля Томиловы изъ Твери, Борисъ Розенбергъ, Нюра Бѣломазова изъ Т.-Х.-Шуры, Всева Васильевъ изъ Пернова, Миша Суровецъ въ СПБ., Коля Путиловскій изъ Усикирко. Ратя Концевичъ изъ Омска, Галя Ляпина изъ Липецка, Милица и Маргарита Рождественскія изъ Оренбурга, Сергій Виноградовъ изъ Серпухова, Вандочка Дверницкая, Ира, Вѣра, Нина и Таня Деревяшкины изъ Варшавы, Шура и Галя Фруктовы изъ Елатьмы, Владиміръ Поповъ изъ Гороховца, Вѣра и Юлія Менделѣвы изъ Севастополя, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Петръ Ляхницкій, Вѣра и Нина Родителивы изъ Вязьмы, Вася Рудаковъ, Маруся Озерецковская изъ Кіева, Шурикъ Остенъ, Пыхтѣевъ изъ Мензелинскаго уѣзда, Георгій и Александръ Окрайнецъ изъ Брестъ Литовска, Сергій Виноградовъ, Оля и Соня Бѣльскія въ Спб., Таня Низяева изъ Гродны, Боря Жаворонковъ, Иосифъ Хайковъ, Эдгардъ Шредеръ изъ Двинска.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

„Маленькій матросъ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.